

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 1 2020

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. Irina S. Karabulatova, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya, CSc.** (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Zohidjon M. Islamov, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Tashkent, Uzbekistan)
prof. **Svetlana V. Kezina, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)
prof. **Irina V. Moklecova, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Vasilij V. Lipič, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)
prof. **Albina M. Sayapova, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)
prof. **Elena N. Serdobinceva, Ph.D.** (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

Recenzenti

Elena P. Fureeva, CSc. (kandidát věd v oboru filologie – Volgograd, Russia)
Yulia G. Fateeva, CSc. (kandidát věd v oboru filologie – Volgograd, Rusko)

Časopis je indexován podle:

- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2020

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHILOLOGICAL KNOWLEDGES

№ 1 2020

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)

Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)

Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Reviewers

Elena P. Fureeva, Candidate of Pedagogical Sciences (Volgograd, Russia)

Yulia G. Fateeva, Candidate of Philological Sciences (Volgograd, Russia)

The journal is indexed by:

- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2020.

OBSAH

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Chen Meng Meng “Red, the triumph of life”: color metaphors in artwork description	7
Dziatko D. V. Lexicography and terminography in specific scientific discourse	9
Shymanskaya O. Yu. Metaphors of coronavirus in contemporary media	13
Карелина И. О. Развитие словаря эмоциональной лексики в раннем и дошкольном детстве.....	16
Rules for authors.....	22
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2020 году.....	24
Информация о научных журналах.....	26
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	27

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Chen Meng Meng “Red, the triumph of life”: color metaphors in artwork description	7
Dziatko D. V. Lexicography and terminography in specific scientific discourse	9
Shymanskaya O. Yu. Metaphors of coronavirus in contemporary media	13
Karelina I. O. Development of a vocabulary of emotion during the toddler period and preschool childhood	16
Rules for authors	22
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2020	24
Information about scientific journals	26
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	27

UDC 81'373 : [811.161.1+ 811.581]

“RED, THE TRIUMPH OF LIFE”: COLOR METAPHORS IN ARTWORK DESCRIPTION

Chen Meng Meng

*MA student,
Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, Belarus*

Abstract. The article provides analysis of colour metaphors in artwork descriptions in Chinese and English. The author finds common symbolic features in the languages representing human emotion through the colour. The colour metaphors are compared on the example of Chinese and Russian painters' works. Key models the article suggests are “red is joy”, “white is purity”, “green is life”, “blue is sadness”, and “yellow is care”. The conclusions are of use for contrastive linguistics and practical translation.

Keywords: metaphor; colour metaphor; metaphorical model; cognitive linguistics; artwork description; criticism.

Color metaphors reflect the universal properties of languages and national specificities associated with extralinguistic factors. From language to language, the quantitative composition of the words of this group differs. National-cultural features of color designations can also be distinguished at the levels of connotative values, the ability to develop polysemy, compatibility with the names of various objects, etc.

The interest in color vocabulary is due to attempts to understand the color picture of the world of another ethnic group, since the names of the colors are a reflection of the surrounding world, individual for each people. We are interested in contrasting Chinese and Russian color metaphors in the descriptions of artwork. We would not consider the direct meaning of color terms but the metaphorical, indirect meaning these words might acquire in the descriptions of the paintings. For example, the critical text can interpret the red colour as a sign of energy and triumph of life [1].

The modern theory of metaphor claims that more abstract concepts can be understood and expressed metaphorically in spatial

terms. The central assertion of this theory is that emotions, which are very abstract in nature, are conceptualized and expressed in the form of metaphors [2]. A range of researchers analyses metaphors in different languages, revealing universal and specific features in representation of different phenomena, such as emotions, feelings, evaluation [3].

Bearing in mind the theory that a metaphor can be explained as establishing a similarity between the source and target areas, this article discusses the similarities and differences between metaphorical color designations in Chinese and Russian.

Seven colours are most often used in modern Chinese: white, red, black, yellow, green, purple and blue. Artists of China, in addition to paying special attention to harmony and unity in the use of mascara and color, also attach special importance to the independent aesthetic value of colour, especially emphasize the harmony of colours and shades of the picture. With the help of colour, artists express the main idea, convey the feelings and color of the work, fully express political trends and the way of the era.

According to the cognitive theory of metaphor, people often use colour terms to express feelings, sensations, assessment of events [4]. Let's consider the example: *这里红包喜事他都参加* 'red joyful events'. Red color refers to warm color tones, in China it symbolizes happiness, devotion, fiery, sensuality. Red color means blood, heart, fire, sunset, is associated with such abstract concepts as ardor, danger, triumph, opposition, explosion, joy, life. This meaning is realized in the description of Zhang Dagians's painting "Blooming Garden": *красный цвет сообщает зрителю чувство радости, торжества жизни, 紅色 - 生命的勝利* 'red is the triumph of life'.

White color symbolizes purity, justice, light, dreams, victory, joy and strength. In the traditional culture of China, the contrast of red and white is taboo from the point of view of philology, as it means the rejection and aversion of the Chinese to the material and mental. The primary meaning of this colour is: *白银* 'white silver', *雪白* 'snow white'. Metaphorical meanings: 'pure', 'bright', 'empty': *洁白, 纯白* 'pure and white', *天下白* 'the world is white, bright' [3].

Green colour refers to cold colour tones, it is in first place in the system of colour science according to the five elements, it means health, renewal, life, hope, naturalness and harmony. The 'green' metaphor is used to denote life, eternity, realizing the metaphorical model "green = life": *綠色 = 生命* (in the description of Jiang Shilong's painting "Wuxia Gorge"). Levitan's "March" description also appeals to similar images: *зелень сосен кажется уставшей от долгой зимы* 'the green of the pines looks tired of the long winter'. In Zhang Dagians's "The blooming garden" *мотив жёлтых домиков в густой зелени деревьев - повседневная жизнь гармонична и едина* 'yellow houses in the

greenery of trees - a motive of harmony and unity'.

In the description of the painting by Dmitry Kustanovich "The Son has Come for Lunch" through the introduction of shades of yellow, the feeling of warmth, kinship and love is conveyed: *жёлтый - метафора материнской любви*. We find similar metaphors in the descriptions of Levitan's "Spring is Big Water" and Dagians's "Blooming Garden": *yellow = warm* '黄色 = 温暖', *黄色 = 温暖*.

Black color refers to dark color tones, symbolizes death, crime, horror, danger, severity, adversity. Based on this, in the traditional culture of China, both white and black colors both symbolize misfortune. And in ancient times, in Chinese culture, the black color had a clear shade of mysticism, this color was considered solemn and severe.

Thus, analyzing color metaphors in the descriptions of paintings in Russian and Chinese, we find similarities based on linguistic and cognitive universals, and differences due to different cultures, religion, customs, philosophy, etc. Understanding the similarities and differences in color metaphors in Russian and Chinese are of great importance for intercultural communication.

Bibliography

1. Qiang H. A Study on the Metaphor of "Red" in Chinese Culture // American International Journal of Contemporary Research. – Vol. 1. No. 3; November 2011. – P. 99–102.
2. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984.
3. Шыманская В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) (з электронным дадаткам). – Мінск: РІВШ, 2016.
4. Prystupa V. Conceptual metaphors of anger in Chinese and English: a contrastive analysis // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Т. 2. – № 3. – 2016. – С. 20–23.

© Chen Meng Meng, 2020.

LEXICOGRAPHY AND TERMINOGRAPHY IN SPECIFIC SCIENTIFIC DISCOURSE

D. V. Dziatko

*Candidate of Philological Sciences,
Head of the Department of Linguistics
and Linguodidactics,
ORCID: 0000-0002-9544-3423,
e-mail: lingby@gmail.com,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus*

Abstract. The article manifests the fact that in recent decades there is a general diversification of expertise and intensive data growth. The author claims that lexicography serves the interests of a particular society, solves cognitive, accumulative, educational, scientific, and cultural problems, and lexicographical guidelines of scientific discourse is an important feature of the scientific paradigm in modern society. It is alleged that the development of the theory of terminography is an effective way to systematize the terminology and specific terminography issues. Actual problems of modern linguistics are: clarification of the role and place of lexicography, including metalexicography and terminography in the paradigm of scientific disciplines; clarifying the terms lexicography, metalexicography, terminology, terminography; identification of the most important parameters of these fields.

Keywords: lexicography; dictionary; term; terminography; terminology science; terminology; metalexicography.

In the XXI century, mankind has come to understanding information as one of the key resources and factors of development of modern society. In this process, the dictionary has a special role of being a source and a reference point in a sea of information [4, p. 7], as the “dictionary is a collection of units of a natural or artificial language, usually provided with a particular semantic information and arranged in a certain order (most often alphabetic or ideographic)” [3, p. 202].

It is no coincidence that dictionary form and lexicographical issues are in demand in scientific literature. (See, for example, “O dicionário” by *Machado de Assis* (1899), “Hazarski rečnik” by *Milorad Pavić* (1984), “The Scythian Dictionary” by *George Hazagerov* (1999), “Notes and extracts” by *Michael Gasparov* (2000), “Dogs of Europe” by *Algerd Baharevich* (2017), etc.). As the Paducheva claims, it seems that the increase of entropy in the era of the alphabet is the only guarantor of order [6, p. 18]. In other words, lexicography serves the interests of a particular society solving cognitive, accumulative, educational, scientific, and cultural problems, and lexicographical guide-

lines of scientific discourse make an important feature of the scientific paradigm of the modern society.

In recent decades, there is a general diversification of expertise and intensive data growth. This process does not occur only within certain linguistic and national boundaries, but also in the context of internationalization and globalization of life in general. No science can develop and evolve without creating a coherent system of methods, techniques and principles of interpreting fragments of reality. The optimum method is to work out a systematization metatheory based on sorting out key scientific terms and the relationship between them. It is the state of terminology is one of the most reliable criteria for the verification of the state of scientific disciplines: advanced sciences possess a well-developed terminology system. Therefore, one of the tasks of researchers is the development, preservation and proper use of the system of terms of their scientific field.

Terminology literature includes numerous dictionaries, reference books, terms registers, theoretical, academic and

popular sources. Efforts to unite under one scientific paradigm all achievements of theoretical terminology have been made repeatedly. A significant contribution to the world study of terminology was made by H. Bergenholtz, I. Burkhanov, H. Felber and G. Budin, Ch. Laurén i J. Myking, G. Roudeau, J. C. Sager, as well as the Belarusian, Russian and Ukrainian scientists: K. E. Averbukh, L. Antaniuk, G. A. Borhvald, A. Gerd, S. V. Grinyov-Grinevich, V. V. Dubichinskiy, V. M. Leychik, D. S. Lotte, J. N. Marchuk, V. D. Tabanakova, V. A. Tatarinov, V. K. Shcherbin and others. However, the large number and multidimensionality of the object of study (field term systems) significantly complicates the creation of a universal supranational terminology theory.

Recently, there has been some linguistic expansionism of linguistic ideas into psychology and philosophy, logic and the theory of knowledge, cognitive science and others. Broadening the range of issues in the science of language, active interaction of linguistics with psychology, anthropology and cognitive studies identifies new approaches to the definition of terms in dictionaries. The issue of replenishment of dictionaries with linguistic and extra-linguistic (encyclopaedic and cultural) information is becoming critical [4, p. 9]. Information about the language received outside linguistics, affects the linguistic analysis. Active differential-integrative processes in linguistics and culture are becoming more visible, for example the construction, design and deployment of new disciplines and directions such as sociolinguistics, ethnolinguistics, psycholinguistic, linguagnoseology, linguacognitology, linguaculturology, etc. Contacts of linguistics with other spheres of knowledge and human spiritual activity are becoming more intense [2, p. 13].

These processes are accompanied by developing new and upgrading of traditional field terminological systems. It reinforces the role of reflection within the science of language and promotes the rapid development of linguistic terminography.

Thus, the development of scientific paradigms in the XX–XXI in linguistics and the increasing number of scientific schools caused the rapid growth of linguistic terminology. As a result, a huge number of terms began to burden the communication between linguists of not only different generations, but also scientists from different fields of study.

The best way to understand and classify tens of thousands of linguistic terms (i.e. an important means of a sub-language modeling) are cataloging and codification. A relevant example of this is Yury Apresyan's preface to the "New explanatory dictionary of Russian synonyms" in which the linguistic concept of the edition and lexicographical principles are set out in the form of a terminological dictionary [1, p. XXII–LII].

Today, new types of dictionaries emerge, scientists reissue existing lexicographical works and provide their inventory in the context of the current linguistic theories. Thus, issues in the history of lexicography theory as well as the interpretation of cultural and heuristic value of dictionaries are becoming current [4, p. 8].

Terminology dictionaries are of particular importance in the society due to certain factors: a) they facilitate introduction and expansion of standardized terminology; b) they prevent experts from using incorrect terms which might distort the sense and impede the study of a subject; c) they develop practitioners' competencies; d) they facilitate the implementation of standardized terminology into the training process; d) they are used by translators; e) they rationalize office and business correspondence; g) provide the material for the study of history of science and technology; c) make it possible to create similar term systems in other languages [7, p. 176].

Enhancing the role of terminological dictionaries is determined by the place it occupies in the terminological lexicon of the modern knowledge, because "those who refuse targeted development of a national terminology refuse thereby to participate actively in the development of their field of knowledge" [5, p. 4]. Quantitative and qualitative changes in existing terminology sys-

tems, the rapid creation of new sub-languages in science and technology raises a number of problems, solutions for which are of great practical importance. We mean ordering, systematization and standardization of terminology, optimizing the process of teaching special translation, the creation of terminological banks and others [5, p. 4].

If we agree with the thesis that lexicography in a sense is a universal methodological science, the development of the terminology theory seems an effective way to systematize the terminology and terminology study issues.

In 1983, A. J. Shaikovich stressed that “works specifically devoted to terminological lexicography are very scarce” [8, p. 1]. Over the past 35 years the situation has not changed, though, as aptly noted by the scientist, there are “some signs of a storm arising in this apparently tranquil region” as “practical lexicography (and especially terminological lexicography) is on the verge of radical change, and lexicographers today must arm theoretically not to be taken by surprise with these changes” [8, p. 2]. However, until now there is neither comprehensive and generally accepted concept of lexicographical description of special vocabulary nor of that of the specific linguistic terminology.

Terminology is the object of lexicographical description (in general dictionaries) and terminography (in special dictionaries). This requires clarification of the role and place of lexicography, including metalexigraphy and terminography in modern science, refinement of relationships between lexicography, terminology, terminology study, terminography and determination the most important parameters of these fields of study.

Back in the late twentieth century, some researchers drawn attention to the formation of the discipline that deals with the theoretical aspects of lexicographical description – metalexigraphy, “lexicography which interacts with the lexicography” [10, p. 1–2]. In recent decades, there is a trend towards autonomisation of this and some other sections of lexicography. For example M. Baňko claims metalexigraphy is not a branch of linguistics, although these areas

have much in common [9, p. 11]. According to P. Żmigrodzki, lexicography combines engineering and theoretical aspects and is based on data from different linguistic disciplines (lexical semantics, lexical statistics, spelling, grammar, etc.) [11, pp. 14–16]. In its turn, metalexigraphy is connected with the theory and methodology of lexicographical description, classification of dictionaries of various types and their characteristics as well as the study of lexicography structure itself. However, the internal structure of this science is still being disputed over by scientists.

Thus, metalexigraphy is a branch of lexicography comprising the theoretical study of lexicography as the lexicographical activity. Its areas of interest include: a) understanding of the essence, contents, tasks, structure, subject and object of lexicography; b) manifesting principles, methodologies and methods of lexicographical description of a language system; c) manifesting ways of lexicography fixation of the language material (creating programmes, guidelines, manuals, etc.); g) determination of the system and structure of the dictionary depending on its purpose, type and genre; e) study of the functions of the dictionary; e) study of the history of lexicography.

This discipline may comprise three main subsections:

a) Study of the functional characteristics (“user research”) – the theory of dictionaries creation, development of methods for dictionaries evaluation and increasing lexicographical products efficiency (e.g., due to user manuals).

b) dictionary criticism – the creation of reviews of the dictionaries to develop common principles for the evaluation of existing dictionaries (in this section we study only those lexicographical products that have already been created).

c) so called “systematic dictionary studies” – the formulation of new or improving existing theories for the purpose of their use in the development of new lexicographical projects. The last section also includes historiographical studies of dictionaries for

inventory of earlier lexicographical theories and their adaptation to the new conditions.

Monolingual and bilingual metalexigraphy includes five main areas of interest: a) lexicographical theory; b) dictionary criticism; c) study of the use of the dictionary; g) study of the dictionary status and marketing; d) history of lexicography.

Theory of lexicography, in its turn, is divided into: a) text theory of the lexicographical texts; b) dictionary typology; c) data collection and processing, including the use of computer resources; g) the theory dictionary work organization; e) the theory of the dictionary goals.

Based on the above, it would be logical to assume that the development of modern metalexigraphy occurs in six main areas: a) study of lexicographical tradition (history of the dictionaries); b) genres lexicographical classification (dictionary typology); c) the study of dictionaries components (dictionary structure); d) dictionaries quality evaluation (dictionary critics); e) analysis of the use of the dictionary; f) research of computer support opportunities (information technologies in lexicography).

Thus, in spite of some essential and functional similarity between the concepts of lexicography and metalexigraphy their linguistic parameterization reveals the difference in basic procedural, contextual, hierarchical and object characteristics.

Paradoxically, unlike lexicography which replenishment sources and place in the linguistics is not uniquely determined, metalexigraphy as a scientific branch has generally formed its structure. Its most important components are the theory and history of lexicography, dictionaries typology, development of optimal dictionary structure, etc. Another fact testifying to the formation of metalexigraphy is its ability to further develop such subsections as metatermonography, metaphraseography, metaspelling, etc. One of the essential questions concerning these and other metalexigraphy branches is what specific dictionaries to include into the area of interest, and which to ignore.

The development of metalexigraphy is the evidence of lexicography having moved beyond purely utilitarian science as it has begun to set goals of theoretical and methodological nature. On the other hand, metalexigraphy has inspired the formation of a theoretical perspective of other fields of study related typologically to lexicography including those connected with terms systematization and classification.

Bibliography

1. Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян (и др.); под. общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М. : Школа “Языки славянской культуры”, 2003. – 1417 с.
2. Бацевич Ф. С. Філософія мови. Історія лінгвофілософських учень. – Київ : Академія, 2011. – 240 с.
3. Герд А. С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии : сборник ст. / под ред. А. С. Герда и В. Н. Сергеева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – С. 191–203.
4. Камалова А. О современной лексикографии. Вступительное слово // Современная русистика: направления и идеи. – Ольштын : Centrum Badań Eurogu Wschodniej, 2015. – Т. 7: Русская лексикография вчера, сегодня, завтра / науч. ред. А. Камаловой. – С. 9–11.
5. Комарова З. И., Прошина А. А. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике : монография. – Екатеринбург : Форум-книга, 2009. – 276 с.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
7. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М. : Наука, 1986. – С. 163–198.
8. Шайкевич А. Я. Проблемы терминологической лексикографии: обзорная информация. – М. : Всесоюзный центр переводов, 1983. – 68 с.
9. Bańko Mirosław. Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa : studia o słowniku jednojęzycznym. – Warszawa : Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. – 336 s.
10. Svensén B. Practical Lexicography. – New York : Oxford University Press, 1993. – 285 p.
11. Żmigrodzki P. Wprowadzenie do leksykografii polskiej. – Kraków : Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 2003. – 269 s.

© *Dziatko D. V.*, 2020.

METAPHORS OF CORONAVIRUS IN CONTEMPORARY MEDIA

O. Yu. Shymanskaya

*Candidate of Philological Sciences,
associate professor,
ORCID: 0000-0001-6486-3188,
e-mail: shimans@tut.by,
Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, Belarus*

Abstract. The article deals with the universal metaphorical models of coronavirus in Belarusian, Russian, and English based on the contemporary mediatexts. Such models as “aggressor”, “war”, “fire”, “plague”, and “wave” are manifested and analysed. Comparing the three languages, the author reveals similarity based on common cognitive settings. At the same time some deeper conclusions are made concerning metaphorical reframing of reality and consciousness. The author provides translation of the Belarusian and Russian metaphors thus making practical solutions for media texts translation.

Keywords: mediatext; metaphor; metaphorical model; M-model; metaphorical reframing; coronavirus.

Linguistic literature pays great attention to the problem of metaphor – both as a process that creates new meanings of language expressions in the process of rethinking them, and as a ready-made result of metaphorization of meaning, because, according to A. Richards, a metaphor is the ubiquitous principle of language [1, p. 17].

The greatest range of functions is characteristic of a metaphor in a natural language, where it creates names that are capable of identifying existing objects, forming new meanings that display abstract concepts (conceptual metaphor), displaying the mark “glued” with description and the emotional-evaluative attitude of the subject to what is metaphorically displayed. A metaphor is an attribute of artistic speech, where it participates in the creation of an individual author’s vision of the world [2, p. 5] and serves an aesthetic, rather than informative, purpose.

Metaphors in languages do not only illustrate the basic concepts of understanding the world but also react immediately to the changes in real life. While new objects and notions appear, metaphor as a global language principle serves the main mechanism for new meanings formation [3]. At the same time, referring to the linguistic and cultural experience of the people, new metaphors are not taken out of the window – the usually follow regular models existing in the taken linguistic culture.

Today when the world is facing the novel coronavirus, authors of media texts tend to apply regular metaphorical models to characterize and evaluate this disease, having studied recent mediatexts we have revealed a number of metaphorical models used to represent the spread of coronavirus. Let us consider these below on the mediatexts examples from three languages – Belarusian, Russian and English.

The first and definitely universal tendency is personification. For all cultures since ancient times, natural disasters, incurable diseases, and social maladies have been regularly compared to actors – empowered with human-like abilities to walk, fight and kill. In this relation, we consider a group of metaphors based on model “coronavirus is an aggressor” which is created with collocations containing components with meaning ‘invade’, ‘fight’, ‘offend’. These metaphors are close to war metaphors: “coronavirus is the foe”, “preventing coronavirus is war”. We come across “aggressor” metaphors in all the considered languages: *Коронавирус COVID-19 захватил популярные среди украинцев курорты* ‘Coronavirus has **invaded** the Ukrainian resorts’. *Коронавирус захватил Италию* ‘Coronavirus has **invaded** Italy’. *Смертельный вирус атаковал более 30 стран Европы* ‘The deadly virus has **attacked** more than 30 countries’. *Коронавирус-«убийца» атаковал мир* ‘Coronavirus-

killer has attacked the world'. Коронавірус набросился на спорт 'Coronavirus has struck sports'.

As the metaphor develops, there's a big amount of war metaphors relating to coronavirus as a dangerous foe that has to be diminished: *Польскія ўлады рыхтуюцца да вайны з каронавірусам* 'Polish government wages war on coronavirus'. *Ці гатовая Беларусь да змагання з каронавірусам?* 'Is Belarus ready to fight with coronavirus?' *Война с коронавірусом урегулювала політычны крызіс* 'War on coronavirus helped to regulate the political crisis'. *At the Pentagon, figuring out how to respond to the coronavirus has been a stop-and-go mission. A nurse on the frontline of Italy's coronavirus outbreak has described the experience as "war-like" / described the onslaught as a "world war."* It has to be noted that people tend to appeal to metaphors when they have to explain something unknown or want to restructure something complicated in simpler terms. Accordingly, metaphor can be used as means of metaphorical reframing – manipulating the recipient's consciousness. In public speaking, war metaphors can be used to promote negative and active reaction to the virus expansion, to spur action among the people: *Americans can come together to fight coronavirus. The crisis we face from the coronavirus is on a scale of a major war, and we must act accordingly.* In these examples we can reveal the pragmatic intention of the sender.

If we deal with emotion metaphors, we will see that war and fire have much in common. The same is true for destruction metaphors and metaphors of severe illness (which kills and burns from inside). Some components (e.g. *outburst, outbreak*) are not seen as metaphorical now, but collocations with words *fire, flames* still carry a lot of connotation: *the explosive spread of coronavirus; coronavirus outbreak. Успышка загадкавага каронавіруса пачалася ў кітайскім горадзе Ухань у снежні 2019 года* 'An outburst of the mysterious virus...'. *Из-за вспышки коронавируса церемония зажигания Олимпийского огня для Игр в Токио проходила без зрителей* 'Due to the virus

outbreak...'. *It's now or never for the U.S. if it hopes to keep coronavirus from burning out of control. We call on all countries to use the window of opportunity we have to prevent a bigger fire. Instead of damping down the flames of the coronavirus outbreak, his Oval Office address on Wednesday poured fuel on them.* As we see from the examples, "fire" metaphor is quite popular for describing the spread and danger of the virus.

As we described tactics of metaphorical reframing before, one should understand that this strategy is used as a means of explaining a complicated situation in reality (or imaginary situation) using linguistic tools. At the same time, the connotation of these tools will implement pragmatic intentions into the communicational process molding the recipient's picture of the subject. Interesting enough, strong emotions and basic fears return people to primitive thinking and actions. Metaphors do not only help us explain the reality – they might help to escape reality and treat fears serving as a means of trauma therapy. And the following example proves this idea: *Coronavirus effigy burned to ashes in Holika Bonfire in Mumbai.*

Close to lexicalized metaphors *outbreak* and *outburst* come collocations with *wave*. We do not claim these metaphors to be of strong connotation but still it is important to establish similarities in metaphorical modeling (and – consequently – collocations) in the tree languages. As the study shows, all the languages appeal to metaphors *new wave, first wave, second/next wave*: *Осенью 2020 года ожидается вторая волна эпидемии* 'The second wave of the epidemics is expected in fall 2020'. *Китай уже сдержал первую волну на своей территории к началу марта* 'China had stopped the first wave on its territory by March'. *Ангела Меркель считает, что следует ожидать новой волны эпидемии коронавируса* 'Angela Merkel considers the possibility of a new wave of coronavirus'. *2 charts show how the coronavirus is spreading faster outside China, and the next wave of catastrophe could be across Europe. South Korea hopes its coronavirus epidemic has peaked – but there's risk of a "second wave"*.

And the last quite regular metaphorical model used to describe the spread and harm of the coronavirus is “coronavirus is the plague”: *Коронавирус – чума 21 века* ‘coronavirus is the plague of the 21st century’. *Расея прыраўняла каронавірус да чумы* ‘Russia has equated coronavirus to the plague’; *the novel coronavirus as a “modern plague”*. Developing the idea of how the language transforms the reality, we should mention a very interesting logical chain. First, coronavirus is compared to the plague, next – people get interested in the plague. As the result, the spread of coronavirus made *The Plague* (La Peste) by Albert Camus one of the most popular novels to be bought.

So, as the research shows, there are universal metaphorical models of coronavirus as aggressor, fire, war, and plague. All these

meanings are used in Belarusian, Russian and English which testifies to common cognitive processes of all nations. Another important conclusion is that metaphorical reframing can be used to appeal to public’s consciousness and to deal with primitive fears creating reality reenactment in terms of language.

Bibliography

1. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990.
2. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
3. Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors we live by*. – University of Chicago Press, 2003.

© *Shymanskaya O. Yu.*, 2020.

РАЗВИТИЕ СЛОВАРЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РАННЕМ И ДОШКОЛЬНОМ ДЕТСТВЕ

И. О. Карелина

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
г. Рыбинск, Ярославская область, Россия*

DEVELOPMENT OF A VOCABULARY OF EMOTION DURING THE TODDLER PERIOD AND PRESCHOOL CHILDHOOD

I. O. Karelina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
ORCID 0000-0003-2452-0054,
e-mail: karelinainessa2017@gmail.com,
Rybinsk, Yaroslavl region, Russia*

Abstract. The article is devoted to the problem of development of a vocabulary of emotion in toddlers and preschool children. This problem is at the intersection of linguistics of emotions and child psychology. Based on the data of foreign psychological researches and her own empirical data, the author proves that the formation of the language of emotions as an aggregate of emotion-denoting words begins at an early age and then it becomes one of the new growth of emotional development in preschool children as well as a pivotal skill of children's emotional competence. The article reveals the age-related features of using emotion-denoting words by children and the role of conversations about emotions between parents and their children in the development of a child's vocabulary of emotion.

Keywords: language of emotions; vocabulary of emotion; emotion words; emotion talk; toddlers; preschool children; psychological research.

Рассматривая вопрос о взаимосвязи между эмоциями и словесными обозначениями эмоций, мы придерживаемся устойчивой научной позиции о существовании эмоций, которым даны соответствующие наименования, а не специальных «эмоциональных слов», определяющих способ восприятия вещей.

В узком смысле понятие «язык эмоций» означает совокупность слов, предназначенных для обозначения различных эмоциональных состояний (I. Bretherton et al., 1986; P. L. Harris, 2008; K. A. Lindquist et al., 2015; J. A. Russell, 1991; O. B. Гордеева, 1995; Н. В. Соловьева, 1999 и др.). Процесс овладения языком эмоций можно сравнить с настоящей «психологической революцией», в результате которой становится возможным информировать окружающих о собственных эмоциях независимо от времени и контекста их возникновения. Однако наряду с вербальными обозначениями эмоций, ко-

торые выражают их понятийно, язык эмоций включает также термины, обозначающие намерения говорящего оказать воздействие на эмоциональные состояния других людей, и эмоциональные термины, значение которых включает в себя межличностные ситуации, поэтому развитие языка эмоциональной лексики не следует сводить только к овладению и целесообразному употреблению наименований эмоций.

С этой позиции речь идет о том, что развитие у детей способности говорить об эмоциях предполагает не просто овладение ими соответствующими терминами, но и способами межличностного взаимодействия со взрослыми и сверстниками с учетом их эмоциональных реакций, а также способами проявления эмпатии по отношению к ним. Это дает нам основание, вслед за Кэролин Саарни (C. Saarni et al., 2006), рассматривать использование детьми словаря эмоциональной лексики в ка-

честве одного из стержневых навыков эмоциональной компетентности – демонстрации самоэффективности в эмоциогенных социальных транзакциях.

В семантике слов, обозначающих эмоции, содержатся различные компоненты: когнитивные и контекстуальные причины возникновения конкретной эмоции, характерные телесные ощущения, экспрессивные и поведенческие последствия эмоционального реагирования. Современные данные [7] убедительно свидетельствуют о том, что эмоциональные концепты, такие как «радость», «печаль», «страх» и другие, конструируют не только восприятие человеком эмоций других людей, но и его эмоциональные переживания, выполняющая функции «клея», который связывает воедино разные элементы (телесные и экстероцептивные ощущения, модели типичных эмоциогенных ситуаций) и придает форму непрерывному процессу обработки эмоциональной информации.

В силу того, что словесные обозначения эмоций имеют оценочное значение и характеризуют определенные аспекты эмоционального события, наименования эмоций, по мнению исследователей [6], могут впоследствии воздействовать и на когнитивные процессы, приводя к изменениям в эмоциональном опыте за счет усиления / подавления собственных эмоций или выдвигая на первый план определенных желаний, склонностей и когнитивных способностей.

Таким образом, овладение словарем эмоциональной лексики имеет первостепенное значение для распознавания и вербализации человеком собственных эмоций, повышения степени осознания и последующей регуляции эмоциональных реакций, а также для вербальной коммуникации и социального разделения эмоций посредством обсуждения причин, сопутствующих субъективных переживаний и последствий эмоций.

Условно можно выделить 4 категории слов, обозначающих эмоции (А. Н. Fischer, 1995): слова, отражающие собственное эмоциональное состояние или настроение субъекта; словесные обо-

значения эмоций, относящиеся к психическому состоянию другого человека или к эмоциональной атмосфере ситуации; слова, которые отражают эмоциональную экспрессию или поведение; не прямые ссылки на эмоции, то есть те слова или утверждения (метафоры, экспрессия), которые подразумевают эмоциональное состояние или эмоциональное поведение.

В этой статье нас будет интересовать в первую очередь процесс овладения детьми раннего и дошкольного возраста словами, обозначающими различные эмоциональные состояния.

Способность к лексическому оформлению собственных эмоциональных переживаний формируется уже на ранних стадиях онтогенеза в процессе общения с родителями. Известно, что попытки говорить об эмоциях предпринимаются детьми в возрасте полутора лет, а с 2 лет собственные и чужие эмоции становятся центральными переживаниями в их социальной жизни [3; 4; 6].

В период между 1,5 и 3 годами дети начинают давать наименования собственным эмоциям и эмоциональным состояниям других людей, обсуждать возникшие в прошлом и будущие эмоции, их причины и последствия, а также учатся использовать высказывания об эмоциях с целью руководства поведением партнера и приписывать предполагаемые эмоции себе, куклам и игровым партнерам.

В этом возрасте словарь эмоциональной лексики детей еще ограничен вследствие их небольшого индивидуального эмоционального опыта и внутренних возможностей, поэтому они ссылаются на небольшой перечень положительных эмоциональных переживаний (счастье, веселье, привязанность, гордость, удивление, моральное удовлетворение, общее благополучие) и отрицательных эмоциональных реакций (печаль, страх, гнев, отвращение, вина, негативное эмоциональное состояние), а также отражают в речи экспрессивные проявления эмоций (объятие, поцелуй, улыбка, смех, плач).

Каузальные высказывания об эмоциях детей 2 лет дифференцируются следующим образом:

- сообщения об antecedентах эмоций – событиях или действиях, предшествующих возникновению эмоционального состояния («Я обнимаю. Малыш счастлив», «Темно. Мне страшно»);
- сообщения о включении в ситуацию, которое мотивировано воспринятым или переживаемым негативным эмоциональным состоянием («Не плачь, мама. Все будет в порядке», «Я плачу. Возьми меня и обними»);
- высказывания, где эмоция объясняется с точки зрения психического состояния или поведенческих / экспрессивных компонентов («Я сейчас не плачу. Я счастлив», «У Кэти лицо несчастливое. Кэти грустная»).

Разумеется, в силу возраста эти высказывания не содержат причинные союзы, но представляют собой попытку детей установить причинно-следственные связи эмоционального реагирования.

Подобные высказывания представляют собой референтные сообщения, соотношенные с внеязыковой действительностью, которые иногда используются в инструментальной манере для получения симпатии другого человека или воздействия на его эмоциональное состояние.

В период дошкольного детства происходит переход от вербального неструктурированного обозначения эмоций к структурированному обозначению через обобщенные понятия в сочетании с обоснованием и расширенным описанием различных эмоций, что позволяет рассматривать *формирование языка эмоций как новообразование эмоционального развития дошкольников.*

Особенности использования младшими дошкольниками наименований эмоций или описательных фраз, отражающих их эмоциональные переживания, наиболее ярко проявляются и изучаются в знакомых межличностных контекстах. В этом возрасте дети спонтанно рассказывают о собственных эмоциональных состояниях, интерпретируя их с точки зрения направ-

ленности на что-то или на кого-то, а также об эмоциях других людей.

Так, в ходе бесед 3-летние дети рассказывают о собственных эмоциях, возникающих в контексте общения с родителями («Когда меня вот мама хвалит за хорошее поведение, тогда я веселюсь») и в различных ситуациях взаимодействия со сверстниками, таких как: принятие («С ребятами играть весело»), отвержение («Не играют со мной, тогда и грустно»), проявление симпатии к сверстнику («Ратмир вот не приходит в группу, и грустно»), проявление агрессии со стороны (грусть – «Когда обижают...»). Обратим внимание, что дети 3–4 лет чаще обозначают эмоции глаголами и используют кроме самих понятий эмоций их эквиваленты: «веселится», «радуется», «смеётся», «плачет», «обидели», «сердится» [1].

Как известно, в дошкольном возрасте преимущество в развитии вербальных способностей имеют девочки, поэтому неудивительно, что девочки 3–4 лет успешнее мальчиков дают наименования базовым (радость, печаль) и социальным (гордость, смущение) эмоциям (S. L. Bosacki, C. Moore, 2004), говорят об эмоциях гораздо более часто, чем мальчики этого возраста (C. A. Cervantes & M. A. Callanan, 1998) и лучше мальчиков выполняют задания на вербальную идентификацию базовых эмоций в возрасте 4–5 лет (A. Cutting, J. Dunn, 1999).

В период с 2,5 до 6 лет количество корректно используемых детьми словесных обозначений эмоций увеличивается в соответствии с определенной последовательностью освоения категорий эмоций [8], начиная от широких категорий, основанных на валентности, и заканчивая формированием системы дискретных категорий: сначала употребляются наименования «счастливый» (*happy*), «сердитый» (*angry*) и «грустный» (*sad*), затем добавляются термины «удивленный» (*surprised*), «испуганный» (*scared*) и, наконец, «испытывающий отвращение» (*disgusted*). В результате к 6 годам дошкольники могут дать точные наименования 6 базовым эмоциям и описать причины их возникновения.

Особенности овладения словарем эмоциональной лексики детьми 4–6 лет раскрыты в ряде отечественных исследований в области понимания и вербализации эмоций детьми дошкольного возраста (И. О. Карелина, 2004, 2017; Н. В. Соловьева, 1999; А. М. Щетинина, 1984, 2004). Остановимся на результатах сравнительного анализа словаря эмоций детей 4–5 и 5–6 лет [1], изученного нами в условиях вербальной идентификации дошкольниками базовых эмоций по фотографиям лицевой экспрессии детей с различными эмоциональными выражениями.

Дети 4–5 лет используют следующие прилагательные, которые выражают эмоции понятийно: «веселая» (более трети детей), «злая» (около половины дошкольников), «грустная» и «удивительная» (пятая часть детей). Идентификация эмоции радости не вызывает затруднений у детей данной возрастной группы, при этом более половины из них уверенно обозначают данное эмоциональное состояние одним из прилагательных: «веселая», реже «радостная» и «довольная».

Отрицательные эмоции, напротив, чаще обозначаются глаголами: страх – «боится», «испугалась» (почти 2/3 детей); грусть – «грустит», «печалится», «плачет»; гнев – «сердится», «злится» (примерно четверть детей средней группы). Эти эмпирические данные согласуются с данными других исследователей [2] и свидетельствуют о недифференцированном характере восприятия 4-летними дошкольниками эмоций отрицательной модальности, особенно эмоции страха, наименование которой 8,3 % детей искажают («страшная»).

Наибольшую сложность у детей 5-го года жизни вызывает словесное обозначение эмоции удивления, восприятие которой осуществляется преимущественно на довербальном уровне: почти половина детей ошибочно опознают и вербализуют эту эмоцию как страх вследствие сходства ведущих признаков экспрессии («*сильно страшно*», «*сильно испугалась*» и т. п.); некоторые дошкольники вместо наименования эмоции пытаются дать эстетиче-

скую оценку изображенной на фотографии девочки («*красивая*») или описать ситуативный контекст («*она говорит*»). Даже в случае точной идентификации этой эмоции дети употребляют либо глагол «*удивляется*», либо искаженные наименования эмоции прилагательными «*удивительная*» и «*интересная*» вместо «*удивленная*» и «*заинтересованная*».

В старшем дошкольном возрасте дети точно обозначают эмоциональные состояния прилагательными «*веселая*», «*радостная*», «*грустная*», «*злая*», при этом частота употребления определений «*радостная*» и «*грустная*» возрастает вдвое. Вместе с тем синонимический ряд словесных обозначений эмоций не отличается разнообразием: такие прилагательные, как «*довольная*», «*печальная*», «*несчастливая*», «*сердитая*», называют лишь отдельные дети 5–6 лет.

Несмотря на общую тенденцию к вербальному обозначению эмоций прилагательными, треть 6-летних детей употребляют глаголы «*грустит*» и «*боится*», поверхностно воспринимая выражение эмоций грусти и страха. В этом возрасте почти 2/3 детей адекватно опознают эмоцию удивления, но по-прежнему искажают ее наименование или используют глаголы «*удивляется*», «*интересуется*». Аналогичные особенности вербализации детьми отрицательных эмоций и эмоции удивления были выявлены и А. М. Щетининой при составлении словаря обозначений эмоциональных состояний детей 5–6 лет.

Следовательно, в возрасте 4–6 лет дошкольники наиболее активно употребляют следующие наименования эмоций: радость – «*веселая*», печаль – «*грустная*» («*грустит*»), гнев – «*злая*», страх – «*боится*», «*испугалась*», удивление – «*удивительная*».

Наряду с освоением и использованием детьми слов, обозначающих базовые эмоции, к *основным тенденциям развития языка эмоций в период с 3 до 5 лет* и за пределами дошкольного детства следует также отнести [4]:

– усложнение способности детей размышлять о ситуациях эмоциогенного

значения, в том числе социальных, и причинно-следственных связях эмоционального реагирования с учетом субъективного характера эмоциональных реакций людей в одной и той же ситуации и влияния переживаемой эмоции на последующее поведение в непосредственно не связанных с первоначальным эмоциогенным событием ситуациях;

– рост осведомленности детей о произвольной регуляции эмоций.

Основными условиями развития языка эмоций в период раннего и дошкольного детства являются адекватное возрасту речевое развитие ребенка, а также уровень и формы его общения со взрослыми, прежде всего с родителями, и сверстниками.

Не останавливаясь подробно на содержании первого условия и эмпирических данных исследований в области дефектологии (И. Ю. Кондратенко, 2002 и др.), укажем лишь на то, что частота употребления и коэффициент лексического разнообразия эмоциональной лексики у старших дошкольников с общим недоразвитием речи значительно ниже, чем у детей с нормальным речевым развитием.

Зависимость эмоционально-описательного языка детей от степени их вовлеченности в беседы об эмоциях с родителями можно продемонстрировать на примере изучения диалогов об эмоциях матерей с детьми 3–4 лет [5], где наряду с эмоциональной лексикой, включающей ссылки на эмоциональные состояния, эмоциональный тон ощущений и поведенческие проявления эмоций, анализировались функции высказываний об эмоциях: указание на чье-то эмоциональное состояние, пояснение или уточнение причинно-следственных связей, исправление неверного понимания эмоций, вопрос, побуждение к изменению эмоционального самочувствия персонажа и социализация эмоций, то есть подтверждение или отрицание целесообразности эмоциональной реакции.

Оказалось, что взаимодействие матери и ребенка во время совместного просмотра иллюстрированных книг эмоциогенного содержания изобилует наименования-

ми эмоций, сообщениями о причинах их возникновения и последствиях, а язык эмоций используется участниками взаимодействия главным образом для оказания социального воздействия. Более сложный и детализированный эмоционально-описательный язык имеют те дети, чьи матери в большей степени объясняют различные аспекты эмоционального реагирования.

Считаем важным обратить внимание на *гендерные различия в семейных диалогах об эмоциях*, обусловленные стереотипными представлениями родителей об эмоциональной социализации детей в зависимости от их пола:

- девочки 1,5 лет получают больше комментариев и распросов об эмоциях со стороны матерей и старших сиблингов, чем мальчики этого возраста (J. Dunn et al., 1987);
- матери 3-летних детей склонны подробнее обсуждать грусть с дочерьми, гнев – с сыновьями (R. Fivush, 1991);
- в разговорах об эмоциях с мальчиками 2–4 лет матери не ограничиваются наименованиями эмоций, а больше объясняют эмоции, связывая их словесные обозначения с каузальной информацией для того, чтобы дать социальную интерпретацию эмоциональных переживаний и ориентировать мальчиков на контроль эмоций, в то время как такие же разговоры с девочками содержат примерно одинаковое количество наименований и объяснений эмоций (C. A. Cervantes & M. A. Callanan, 1998);
- матери ценят эмоциональный коучинг больше, чем отцы (S. A. Denham et al., 2010), и беседуют об эмоциях с детьми обоего пола, чаще обсуждая отрицательные эмоции с сыновьями, тогда как отцы больше разговаривают об эмоциях с дочерьми.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что дети изначально с раннего возраста имеют разные «отправные точки» для развития языка эмоций в зависимости от их пола и учатся говорить об эмоциях гендерно специфичным образом.

Таким образом, в период раннего и дошкольного детства происходит интенсивное увеличение объема словаря эмоций при условии адекватного возрасту развития вербальных способностей детей и эмоционального коучинга (бесед об эмоциях) как механизма родительской социализации эмоций. Следует особенно подчеркнуть, что в повседневных разговорах об эмоциях в семье дети не только получают представление о наименованиях различных эмоций, но и приобретают опыт интерпретации эмоций в социальном контексте.

Осведомленность детей в словесных обозначениях эмоций позволяет им точно дифференцировать собственные эмоциональные переживания, обмениваться эмоциональным опытом с другими людьми, анализировать причины возникновения эмоциональных переживаний и последствия эмоционального реагирования, что в свою очередь определяет успешность установления и поддержания социальных отношений. Именно в этом и заключается одна из важнейших социальных функций эмоциональной лексики.

Библиографический список

1. Карелина И. О. Эмоциональная сфера ребенка как объект психологических исследований :

избранные научные статьи. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 157 с.

2. Щетинина А. М. Социализация и индивидуализация в детском возрасте : учебное пособие. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 132 с.
3. Bretherton I. & Beeghly M. Talking About Internal States: The Acquisition of an Explicit Theory of Mind // *Developmental Psychology*. – 1982. – 18. – P. 906–921. DOI: 10.1037/0012-1649.18.6.906.
4. Bretherton I., Fritz J., Zahn-Waxler C., Ridgeway D. Learning to Talk about Emotions: A Functionalist Perspective // *Child Development*. – 1986. – 57 (3). – P. 529–548. DOI: 10.2307/1130334.
5. Denham S., Auerbach S. Mother-child dialogue about emotions // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. – 1995. – 121 (3). – P. 313–337.
6. *Everyday Conceptions of Emotion: An Introduction to the Psychology, Anthropology and Linguistics of Emotion* / ed. by J. A. Russell et al. – Dordrecht : Springer Science+Business Media, 1995. – 584 p.
7. Lindquist K. A. et al. The role of language in emotion: Predictions from psychological constructionism // *Frontiers in Psychology*. – 2015. – 6: 444. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00444.
8. Widen S. Children's Interpretation of Facial Expressions: The Long Path from Valence-Based to Specific Discrete Categories // *Emotion Review*. – 2013. – 5. – P. 72–77. DOI: 10.1177/1754073912451492.

© Карелина И. О., 2020.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list,

in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: FV-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example FV-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: sociosfera@seznam.cz. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном по-

рядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ФЗ-ФИО, например: ФЗ-Петров ИВ или FV-German P. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID (если есть)

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2020 ГОДУ**

Дата	Название
20–21 марта 2020 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2020 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2020 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2020 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2020 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2020 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2020 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2020 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2020 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2020 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2020 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2020 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2020 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2020 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2020 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2020 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2020 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления

15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,966
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 1, 2020

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – I. G. Balašova

Podepsáno v tisku 16.03.2020. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 2,9
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +4206773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz